

НАЗАРОВА А.И.,
студентка 3 курса,
направление «Юриспруденция»,
e-mail: mail@law-books.ru

БОЛЬШАКОВА Е.А.,
студентка 3 курса,
направление «Юриспруденция»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БОГОСЛАВСКАЯ К.Э.,
Таганрогский институт управления и экономики,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ) В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ АДМИНИСТРАТОРОВ «ГРУПП СМЕРТИ» И КИБЕРБУЛЛИНГА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу трансформации объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, под влиянием цифровизации коммуникативных процессов. Рассматривается специфика квалификации деяний, совершенных в форме кибербуллинга и администрирования деструктивных сетевых сообществ («групп смерти»). Выявляются фундаментальные проблемы доказывания причинно-следственной связи между виртуальными актами и наступившим суицидом, а также установления прямого умысла модератора. Обосновывается необходимость перехода от механического анализа переписки к комплексной судебно-психолого-лингвистической оценке цифрового следа как орудия преступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доведение до самоубийства, кибербуллинг, группы смерти, социальные сети, причинно-следственная связь, цифровой след, умысел, судебная лингвистическая экспертиза.

NAZAROVA A.I.,
3rd year student,
E.g. «Jurisprudence»

BOLSHAKOVA E.A.,
3rd year student,
E.g. «Jurisprudence»

Academic Supervisor:
BOGOSLAVSKAYA K.E.,
Taganrog Institute of Management and Economics

DRIVING TO SUICIDE (ARTICLE 110 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA: THE PROBLEMS OF PROVING THE GUILT OF ADMINISTRATORS OF «DEATH GROUPS» AND CYBERBULLYING

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the transformation of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation under the influence of digitalization of communication processes. The article considers the specifics of the qualification of acts committed in the form of cyberbullying and the administration of destructive online communities («death groups»). The fundamental problems of proving a causal relationship between virtual acts and suicide, as well as establishing the moderator's direct intent, are revealed. The necessity of the transition from the mechanical analysis of correspondence to a comprehensive forensic, psychological and linguistic assessment of the digital footprint as an instrument of crime is substantiated.

KEY WORDS: suicide, cyberbullying, death groups, social networks, causality, digital footprint, intent, forensic linguistic expertise.

Традиционная конструкция состава доведения до самоубийства, закрепленная в ст. 110 УК РФ, исторически базировалась на непосредственном межличностном контакте преступника и жертвы, реализуемом через вербальные угрозы, физическое жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства в офлайн-среде. Однако экспансия социальных сетей, мессенджеров и анонимных форумов привела к возникновению качественно новых криминогенных форм — кибербуллинга и деятельности так называемых «групп смерти» (суицидальных квест-игр), где воздействие на психику потерпевшего опосредовано цифровой платформой. Данный сдвиг породил острую потребность в переосмыслении механизма следообразования, поскольку классический подход, ориентированный на поиск свидетелей прямого давления или письменных угроз материального характера, демонстрирует недостаточную эффективность [2]. В этих условиях центральным звеном доказывания становится реконструкция виртуальной коммуникации, где слово выступает не просто формой унижения, а инструментом программирования суицидального поведения, что требует от правоприменителя глубокого понимания психосомиотики интернет-пространства.

Доминирующим способом совершения преступления в виртуальной плоскости выступает психическое насилие, вербализованное в текстовых, аудиовизуальных и графических формах, исключающих физическое взаимодействие. Проблема квалификации кибербуллинга как способа доведения до самоубийства заключается в том, что законодатель в диспозиции ст. 110 УК РФ использует оценочную категорию «систематическое унижение человеческого достоинства», адаптация которой к цифровой реальности сопряжена с рядом коллизий [1]. В отличие от бытовой травли, где унижение происходит в конкретной референтной группе (класс, трудовой коллектив), в социальных сетях оно приобретает характер публичной диффамации с неограниченным числом свидетелей и эффектом «цифровой вечности», когда компрометирующий контент невозможно удалить окончательно. Доказывание систематичности в данном контексте требует анализа логов чатов и метаданных, однако количественный критерий (кратность сообщений) зачастую не отражает качественной глубины психотравмы, которая может быть нанесена однократным, но высоковирулентным актом распространения информации.

Еще более сложную архитектуру доказывания представляют дела, связанные с администрированием «групп смерти». В данном случае мы сталкиваемся с опосредованным исполнением, при котором отсутствует прямой, персонализированный конфликт между виновным и жертвой. Деятельность кураторов и модераторов таких сообществ строится на игрофикации

суицида, включающей выдачу интерактивных заданий, создание эмоциональной зависимости и формирование ощущения принадлежности к «избранной» закрытой касте [3]. Ключевым барьером на пути доказывания здесь становится установление прямой причинно-следственной связи, предусмотренной конструкцией материального состава ст. 110 УК РФ. С точки зрения теории уголовного права, необходимо доказать, что именно действия конкретного администратора (а не латентные эндогенные психические процессы, влияние иных интернет-пользователей или микросоциальные факторы) явились необходимым условием наступления смерти. В сетевом пространстве эта каузальная цепь размывается: жертва может одновременно состоять в нескольких деструктивных пабликах, взаимодействовать с ботами и находиться под влиянием «эффекта заражения» от контента, сгенерированного самими участниками без прямого участия модератора. Имманентная сложность заключается в разграничении криминогенного склонения к суициду и не подлежащей уголовной ответственности популяризации депрессивной субкультуры, что ставит перед экспертами задачу вычленения императивных, манипулятивных речевых актов из общего массива деструктивной семиотики.

Центральным элементом предмета доказывания по делам о доведении до самоубийства в сети является субъективная сторона, характеризующаяся, как правило, прямым или косвенным умыслом. Сложность установления вины администраторов «групп смерти» обусловлена внедрением ими многоуровневых механизмов конспирации и имитации легальной деятельности (симуляция психологической поддержки, философских дискуссий о смысле жизни, литературных игр). Защитная позиция таких фигурантов зачастую строится на отрицании знания о конкретной личности жертвы и отсутствии намерения достичь летального исхода. Правоприменитель вынужден реконструировать умысел через анализ цифровых артефактов, что порождает риск объективного вменения, когда сам факт участия лица в администрировании сообщества, в котором позже произошел суицид участника, расценивается как достаточное основание для инкриминирования ст. 110 УК РФ [4]. Доктрина уголовного права требует установления интеллектуального момента умысла — осознания общественной опасности деяния, предвидения неизбежности или реальной возможности суицида. В виртуальной среде, где коммуникация носит анонимный и дистантный характер, доказать, что администратор достоверно осознавал психическую уязвимость конкретного анонимного аккаунта и целенаправленно манипулировал им для достижения смерти, возможно лишь путем выявления прямых указаний на знание пола, возраста и психоэмоционального состояния жертвы, зафиксированных в переписке [5].

Преодоление описанных пробелов доказывания невозможно без качественного использования специальных знаний, роль которых кардинально возрастает по сравнению с традиционными бытовыми убийствами. Основным инструментом верификации преступного воздействия становится комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Перед экспертом-лингвистом ставится задача идентифицировать в коммуникации признаки манипулятивного дискурса, выраженные в форме императивных конструкций, побуждения к конкретным действиям, семантического исключения альтернатив и обесценивания жизни. В рамках психологической составляющей судебной экспертизы необходимо диагностировать индивидуально-психологические особенности потерпевшего, установить наличие у него состояния фрустрации или внушаемости, которое могло быть эксплуатировано обвиняемым [6]. Особую ценность приобретает ситуационная экспертиза, позволяющая реконструировать динамику взаимодействия в группе и выявить ролевую структуру: кто выполнял функцию провокатора, кто оказывал «поддерживающую» деструктивную

валидацию, а кто выступал в роли модератора, контролирующего «игровой процесс». Цифровой след в данном контексте трансформируется из простого доказательства факта общения в полноценный объект исследования, позволяющий восстановить психодинамику преступления.

В заключение следует отметить, что эволюция преступности, связанная с цифровизацией межличностного насилия, обнажила диссонанс между формализованным уголовным законом и сложной, поликаузальной природой сетевого суицида. Доказывание вины администраторов «групп смерти» и субъектов кибербуллинга требует от следствия перехода от шаблонной констатации наличия виртуальной связи к глубинному доказыванию прямой каузальности между конкретными речевыми актами и суицидальным решением. Поскольку основным орудием преступления выступает семиотический код, именно лингвистическая и психологическая декомпозиция этого кода становится единственно возможным способом объективизации умысла, направленного на уничтожение личности посредством цифровых коммуникационных технологий.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] Шаназарова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за доведение несовершеннолетних до самоубийства с помощью социальных сетей и предупреждение таких преступлений / Е.В. Шаназарова, О.Е. Савельева, Д.В. Дятлова // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 45-52.
- [3] Ткачева А.С. Современные способы совершения преступлений, связанных с доведением несовершеннолетних до самоубийства с использованием социальных сетей, и ответственность за них / А.С. Ткачева // Юрист-Правовед. – 2020. – № 3 (94). – С. 104-110.
- [4] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для вузов / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 1184 с.
- [5] Энциклопедия уголовного права. Том 15. Преступления против жизни и здоровья. / под ред. В.Б. Малинина. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2021. – 838 с.
- [6] Киберпреступность и цифровая криминалистика: учебное пособие / под ред. А.А. Бессонова. – М.: Юрайт, 2023. – 348 с. *(Глава 8. Интернет-суициды: механизмы вовлечения и тактика расследования)*.

References:

- [1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
- [2] Shanazarova E.V. Social Determination of Criminal Liability for Inciting Minors to Suicide Using Social Networks and the Prevention of Such Crimes / E.V. Shanazarova, O.E. Savelyeva, D.V. Dyatlova // Legal Paradigm. - 2020. - Vol. 19, No. 1. - Pp. 45-52.
- [3] Tkacheva A.S. Modern Methods of Committing Crimes Related to Inciting Minors to Suicide Using Social Networks, and Liability for Them / A.S. Tkacheva // Jurist-Pravoved. – 2020. – No. 3 (94). – P. 104-110.
- [4] Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook for universities / edited by A.V. Brilliantov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2022. – 1184 p.
- [5] Encyclopedia of Criminal Law. Volume 15. Crimes against life and health. / edited by V.B. Malinin. – St. Petersburg: Professor Malinin's Publishing House, 2021. – 838 p.
- [6] Cybercrime and Digital Forensics: study guide / edited by A.A. Bessonov. – Moscow: Yurait, 2023. – 348 p. *(Chapter 8. Internet suicides: mechanisms of involvement and investigation tactics)*.

